

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

БРИТА ОСБРИНК

БИТВА ГИГАНТОВ

РОТШИЛЬДЫ,
РОКФЕЛЛЕРЫ
И НОБЕЛИ

Брита Осбринк
Битва гигантов. Ротшильды,
Рокфеллеры и Нобели
Серия «Документальный триллер»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67950474

*Битва гигантов. Ротшильды, Рокфеллеры и Нобели: Родина; Москва;
2021*

ISBN 978-5-00180-249-5

Аннотация

Альфред Нобель, учредитель самой престижной премии в мире, ученый и предприниматель, изобретатель динамита, создал также крупнейшую нефтяную компанию, которая бросила вызов знаменитой «Стандарт Ойл» Рокфеллера. С этого времени началась ожесточенная борьба между Рокфеллерами, Нобелями и вмешавшимися в нее Ротшильдами за господство на мировых рынках.

Шведская журналистка Брита Осбринк рассказывает в своей книге, как проходила эта «битва гигантов», в которой так или иначе приняли участие русские императоры Александр III и Николай II, немецкий канцлер Отто фон Бисмарк, английский король Эдуард VII и еще многие известные политики и предприниматели конца XIX – начала XX века. При написании

книги были использованы подлинные письма и дневниковые записи Альфреда Нобеля и членов его семьи.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Динамит и нефть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Брита Осбринк
(Brita Åsbrink)
Битва гигантов
Ротшильды,
Рокфеллеры и Нобели**

*** * ***

© Осбринк Б. (Åsbrink B.)

© Перевод со шведского

© ООО «Издательство Родина», 2021

Глава 1. Динамит и нефть

Расположенный в Петербурге между Большой Невкой и Малой Вульфовой улицей механический завод Иммануэля Нобеля подлежал ликвидации. Процедуру банкротства кредиторы поручили его сыну Людвигу, и он проводит ее столь успешно, что зарабатывает неплохие деньги. В 1859 г. он берет в аренду крохотный заводик почти напротив, на Выборгской стороне, и нарекает свое предприятие механическим заводом «Людвиг Нобель». Альфред с Робертом снимают небольшую квартиру, где ведут спартанский образ жизни: много средств уходит на лекарства и врачей для Альфреда.

Время от времени оба работают на Людвиговом заводе. Альфред, заинтересовавшись нитроглицерином, покидает Петербург. Роберт ремонтирует Казанский собор, перестраивает пароход «Крылов» и пробует создать огнеупорный кирпич. В начале 60-х Роберт женится на дочери преуспевающего финского коммерсанта Паулине Леннгрен. Они обосновываются в Гельсингфорсе, и там рождается их первенец, Яльмар Иммануэль. К этому времени Роберт стал совладельцем «Авроры» – магазина по продаже осветительного масла. Живущий в Стокгольме Альфред с похвалой отзывается об успехах брата, однако у магазина вдруг появились серьезные конкуренты и доходов от него никаких.

Вот как Роберт отвечает Альфреду в 1864 г.: «Сообразу-

ясь с твоим мнением о моем светлом будущем, можно подумывать, будто я один несу свет в преданные финские массы и уже должен бы от радости купаться в керосине, тогда как на самом деле ты заблуждаешься, дорогой брат, – я недостойн подобной чести, ибо и оглянуться не успел, как у меня появилось на сем достойном поприще двое соперников. [...] Кому бы, черт возьми, могли прийти в голову такие трудности и такие никудышные виды на будущее в былые времена, когда наша звезда в стране Востока еще благоволила к нам?.. Разумеется, я был готов к тому, что не может везти до бесконечности, но чтобы стало так худо [...], об этом я, право, и помыслить не мог». Впрочем, опыт работы с керосином Роберту очень пригодится позже.

Альфред по-прежнему экспериментирует, смешивая порох с нитроглицерином. Андриетта живет в вечном страхе, что «Альфред возится с огнеопасными веществами». Иммануэль, Альфред и Эмиль пытаются стабилизировать нитроглицериновые смеси в хеленсборгской лаборатории на Сёдермэларстранд, недалеко от центра шведской столицы, и это неминуемо ведет к катастрофе. Взрыв, который сотрясает весь Стокгольм, уносит жизни троих сотрудников и только что поступившего в университет двадцатилетнего Эмиля.

Месяц спустя отца хватил удар. Альфред терзается, но вскоре возобновляет опыты, на этот раз в более уединенном месте, на берегу залива Винтервикен. В 1863 г. Альфред выправил свой первый патент и в октябре следующего года

основал «Нитроглицериновую компанию». Роберт получает право от имени этой компании наладить производство нитроглицерина в Финляндии.

Эксперименты, поиски решений, попытки применить изобретения на практике, чтобы заработать с их помощью денег, – все это чревато спорами, борьбой за влияние, раздорами и недоверием друг к другу, причем растянутыми на десятилетия. Потерпев неудачу в своих финляндских предприятиях, Роберт переезжает с семьей в Стокгольм. Обстановка тем более накаляется, когда Иммануэль требует, чтобы его избрали директором новой компании. Роберт с Альфредом противятся этому. В письме к Людвигу в Петербург Роберт следующим образом изображает конфликт между своим вспыльчивым отцом Иммануэлем и своим упрямым братом Альфредом:

«Я приложил все возможные усилия, дабы убедить старика отказаться от претензий на директорскую должность. Я указал на его крайне ограниченные способности в области сочинения, ораторского искусства и химии, и он вынужден был признать, что я прав [...] и ему лучше уступить сей пост Альфреду. Когда папаша пытается настоять на своем, он делается страшен и может вывести из себя даже камень, так что я бы ни за что не выдержал столько, сколько выдержал Альфред, [...] но он тоже слишком горяч и деспотичен, и в один прекрасный день дело у них дойдет до рукопашной. А уступить отцу ни в коем случае нельзя, поскольку в финан-

совом плане он это многообещающее предприятие загубит. Альфред и впрямь попал в сложное положение, хотя более всего мне жалко матушку, ибо справедливости ради ей приходится брать сторону Альфреда, за что она терпит от отца неприятности».

Наконец Иммануэль сдается. Исполняющим обязанности директора и постоянным членом правления в винтервикской компании становится Роберт, и ему назначается оклад в 6 тыс. крон, что по тем временам весьма неплохо.

У нефти блестящее будущее!

В 1809 г. Швеция теряет Финляндию, которая переходит к России. Великое княжество Финляндское продолжает жить со своей шведской конституцией и своим шведским языком, на котором ведется все преподавание и все управление. В стране парит согласие: финны единодушно превозносят Александра II. После 1861 г., когда царь отменил крепостное право, крестьяне потянулись в город, надеясь, что наступили новые времена и им удастся найти работу на возникающих повсеместно заводах. Александр II впервые за несколько десятилетий созвал финляндский сейм, ослабил гнет цензуры и полиции. В Европу начинают поставлять американский фотоген (керосин), который доходит и до России, принося свет и тепло туда, где раньше были мрак и холод.

Братья Нобели следят за новостями химии и техники по

журнальным и книжным публикациям. Письмо из Петербурга от 16 февраля 1864 г. Людвиг пишет Роберту уже при керосиновой лампе. Людвиг прослышал о некоем Кокореве, который в 1857 г. завел в Баку небольшой завод по производству фотогена.

«В глубине России начали использовать русское горное масло, которым торгует Кокорев из кавказского города Баку, однако цена пока слишком высокая. Тем не менее есть основания полагать, что в скором времени масло это сможет конкурировать с американским. Запасов его никак не менее, чем в Америке. У нефти вообще во всех отношениях блестящее будущее».

Никто из них не подозревает, насколько деятельное участие в этом блестящем будущем будут принимать они сами. О Баку они слышали и раньше: Роберт давно собирался посетить этот город ветров на берегу Каспийского моря. И так, в 1857 г. Кокорев построил к северу от Баку заводик. Когда в 1863 г. было создано первое нефтеперегонное производство, посетить его приехал выдающийся химик Дмитрий Менделеев. Примерно в 1870 г. государственная монополия на бакинскую нефть, из которой, по сведениям Людвигу, Кокорев с помощью Менделеева и вырабатывал фотоген, перешла к влиятельному армянину Мирзоеву, однако четырехлетний срок откупа препятствовал расширению добычи: никто не хотел вкладывать деньги в столь краткосрочные проекты.

Кокорев и Менделеев не раз убеждали российское прави-

тельство отменить систему откупов. Власти понимали необходимость этой меры, однако из-за длительного изучения и обсуждения вопроса решение все оттягивалось. Законодательство было изменено лишь 1 января 1873 г., после чего казна через официальные торги отдала нефтеносные участки (делянки) тем, кто предложил за них наибольшую цену. Начали продажу с окрестностей Баку, где 16 участков на уже известном месторождении в Балаханах достались Кокореву и Мирзоеву: они ошеломили конкурентов высокими предложениями. Предстояло прославиться и другому бакинскому району – Сабунчам, где мелкие промышленники по дешевке скупили землю у ничего не подозревающих крестьян. Предприниматели рассчитывали на авось: «вдруг там что-нибудь окажется». И таки оказалось. Третьим богатым нефтью районом стал Биби-Эйбат – на берегу моря к югу от Баку, города, который охватила нефтяная лихорадка.

В этом городе ветров была лучшая гавань на всем Каспийском море. Через его порт шли товары из России и в Россию, из Европы и в Европу, из Передней и Средней Азии – и навстречу... Этот маршрут с давних времен составлял часть Великого шелкового пути.

Рокфеллер: «наш план»

В 60–70-х годах XIX века и американцы, и русские заразились острой формой нефтяной лихорадки, причем расши-

рение добычи шло параллельно с развитием техники. По мере усложнения станков и другого машинного оборудования возрастала потребность в источниках энергии, в смазочных маслах, в горючем (в том числе в керосине). Эта отрасль была открыта для инициативы, для людей, обладающих чутьем на все новое, а также способностью покорять рынки, заключать выгодные сделки... и богатеть.

Поначалу американцы опережали русских прежде всего благодаря таким людям, как Джон Д. Рокфеллер, тем более что в стране знали толк в свободном предпринимательстве. Рокфеллер заложил основы своего будущего капитала во время Гражданской войны в Америке, когда поставлял в армию предметы первой необходимости. В 26 лет он выкупил у компаньона принадлежавшую тому часть нефтеперегонного завода и стал его единоличным владельцем. В 1870 г. он – совместно со своим новым партнером, Генри Флэглерам, – основал компанию «Стандард ойл», которая вскоре производила уже 10 % всей американской нефти. Однако отрасли угрожало перепроизводство и резкое падение цен. Тогда Рокфеллер и Флэглер занялись осуществлением «своего плана»: скупить или втайне присоединить к себе более мелких промышленников, чтобы таким образом повысить собственный контроль над отраслью. Что они и стали делать самыми безжалостными способами. Компания заслужила прозвище Спрут, ее ненавидели за коварные уловки, а сам Рокфеллер слыл чудовищем, которым впору – вместо

трубочиста – страшать детей. Мать Джона была рьяной баптисткой и, если мальчик не слушался, порола его, привязав к спинке кровати. Отец торговался с сыновьями и нередко обманывал их – «дабы держали ухо остро». Понятно, что такая железная дисциплина воспитывала сложную личность. Родители были люди простые, малообразованные, но у Джона рано проявились и математические способности, и талант дельца.

«Стандард ойл» все больше укрепляла свои позиции монополиста и в США, и на мировом рынке, где компания в 80-х годах уже бросала вызов братьям Нобелям и влиятельному семейству французских банкиров – Ротшильдов, а впоследствии и компаниям «Ройял датч-шелл» и Англо-персидской (будущая «Бритиш петролеум»).

В России начала 60-х заметно увеличился ввоз американского керосина. Европа представляла собой самый крупный рынок в мире, и большая часть поставок шла через компанию «Стандард ойл», – видимо, она же снабжала осветительным маслом и гельсингфорсский магазин «Аврора».

Американский консул в Санкт-Петербурге с надеждой взирал в будущее: для керосина от «Стандард ойл» был открыт весь земной шар.

Военные поставки – основа капитала

Когда Людвиг в 1864 г. пишет Роберту о «горном мас-

ле», он еще идет по стопам отца, но ищет и собственный путь. Он не меньше Иммануэля любит работу: ему интересно решать проблемы – думать, чертить, изобретать технологии, но отцовские банкротства научили его уделять внимание и финансовой стороне дела. Людвиг получил образование инженера-машиностроителя и выпускает много привычной для Иммануэля продукции: пушки и лафеты к ним, подводные мины и артиллерийские снаряды. Он изготавливает сверлильные и токарные станки, паровые молоты, гидравлические прессы и колесные оси. Он производит отопительные котлы для особняков, доходных домов и присутственных мест, а также водопроводные трубы, батареи и краны. У него на заводе переделывают 100 тыс. ружей, заряжающихся с дула, в заряжающиеся с казенной части. Его завод на петербургской Самсониевской набережной разрастается, основы капитала заложены.

В 27 лет Людвиг женится на своей двоюродной сестре Вильгельмине (Мине) Альселль. Счастливый молодожен пишет в Швецию дяде, Людвигу Альселлю: «На Вашу Мину одно удовольствие смотреть (давно бы так, можете сказать Вы). Вместо привычного для нее печально-болезненного вида она пышет румянцем, здоровьем и веселием, глаза ее светятся лукавой радостью».

Когда Мина зачала, ее свекровь, Андриетта Нобель, делится с братом: «Мина начинает понемногу округляться, но, слава тебе Господи, чувствует себя бодро, чего едва ли мож-

но было ожидать при ее слабой конституции». Семья волнуется, как пройдет беременность. Родился Эмануэль – по-видимому, двумя месяцами раньше срока. Его приходится «обкладывать ватой, купать в бульоне и ставить в коробке из-под сигар на печку». Но мальчик оказывается здоровым и сильным – таким он будет до конца своей долгой жизни. Затем рождаются Карл и Анна. В дом на Самсониевской набережной переезжает внебрачный сын Людвига, Яльмар Круселль, которому уже то ли двенадцать, то ли четырнадцать лет.

Яльмар – первенец Людвига. Он родился у Анны Линдаль через год после того, как Людвиг посватался к Мине. Анна была дочерью одной из лучших подруг Андриетты Нобель. Свадьба Людвига и Мины откладывалась: из-за того ли, что невеста плохо себя чувствовала, или потому, что появление на свет Яльмара вызвало размолвку с женихом?

Анна вышла замуж за гельсингфорсского врача Густава Круселля, – скорее всего, это был фиктивный брак, призванный дать Яльмару статус законнорожденного. Очевидно, Яльмар учился с Мануэлем и Карлом в Техническом училище в Бармене.

Зарождение нефтедобывающей промышленности в России

Жители Баку с незапамятных времен видели, как в его

окрестностях из расщелин в земле и скалах непонятно почему вырывается пламя, видели, как оно пляшет по воде, и стали приписывать ему мистическую силу. Караваны верблюдов в бурдюках перевозили смешанную с песком нефть через горы и пустыни в иноземные государства. Индийцы и персы устремлялись к бакинскому храму огня, чтобы умереть рядом с этим священным местом. Египтяне добывали тут ингредиенты для своих бальзамирующих масел. В XIII веке через Кавказ держал путь в Китай Марко Поло. Он рассказывает о богатейшем источнике на грузинской границе, «маслом» из которого можно нагрузить до сотни верблюдов; по его словам, масло это годится как лекарство против коросты у людей и животных, однако же есть его нельзя, что подтверждает и известный русский путешественник господин Ханыков. В XV веке нефть начали вывозить в другие страны. В XVII веке масло для светильников получали из лежащих близко к поверхности источников в Закавказье. Петр Великий задумал использовать Каспийское море для впутироссийских перевозок. Когда русские в 1723 г. отвоевали Баку у Персии, он повелел добывать там нефть и возить ее на судах вверх по Волге.

В 1735 г. Баку снова отошел к Персии. Спустя несколько лет Каспийское море заполонили английские купцы, вознамерившиеся перевозить по нему товары в Индию. Среди англичан был и Джонас Хэнуэй, который в 1754 г. описал, как добывали нефть при персах. Он не раз видел бьющее из-под

земли пламя и упоминает богатые залежи на острове Святом, где шкиперы персидских судов закупали нефть, чтобы потом продать у себя на родине (персы хранили ее в земляных ямах). Горела нефть лучше, если к ней подмешать золы. В 60-х годах XIX века на острове появился первый нефтеперегонный завод.

Перегонка стала важным этапом развития нефтяной промышленности. С помощью нагревания и конденсирования удалось получить парафин и горящий при более низкой температуре сорт керосина. «На Апшеронском полуострове есть также природная форма керосина белого цвета и жиже обычной нефти. Русские его пьют! Говорят, он помогает против внутренних болезней. А еще им можно выводить пятна с шелка – только уж больно йодом воняет»

В 1801 г. русские снова захватили Баку. В сообщении от 1813 г. значится, что запасы «нафты» неисчерпаемы. Ее используют для освещения, но она дает много дыма и плохо пахнет. Такое впечатление, будто «окрестности Баку пылают стекающим с гор пламенем, а в ясную лунную ночь западные вершины подсвечены синим». В 1819 г. было добыто около 4 тыс. тонн нефти, большую часть которой вывезли в Персию. В 30-х годах, когда российская казна предложила небольшие участки в четырехлетний откуп, предприниматели стали черпать нефть из мелких ям. Если рыть яму глубже, вырвавшийся из-под земли газ мог прикончить рабочего на месте. Методы добычи не совершенствовались. С ростом

населения, ускорением экономического развития и оснащением производства новым оборудованием возрос интерес к нефти и возможностям ее применения. В 1860 г. был построен перегонный завод в Сураханах. Еще через десять лет производство керосина достигло новой ступени: промышленники поняли, как получать более чистый продукт.

В Соединенных Штатах Америки

Североамериканские индейцы использовали нефть для костров и факелов, а также для умащивания своих тел и лечения животных. Первое письменное свидетельство о том, что в Северной Америке есть нефть, было сделано в 1627 г. францисканским монахом отцом Жозефом де ла Рош д'Аллоном. Несколькими десятилетиями позднее уже иезуиты сообщают о «тяжелой и густой жидкости, которая при зажигании горит вроде коньяка».

В начале XIX века из-за роста населения увеличилась потребность в соли, и ее поиски зачастую приводили к обнаружению нефти. Многие из тех, кто занимался добычей соли, переключались на бурение нефтяных скважин.

В середине XIX века шотландский химик Джеймс Янг (Юнг) стал очищать кеннельский уголь (иначе известный как богхед), чтобы использовать его в качестве осветительного и смазочного масла. В 1854 г. один молодой канадец взял патент на жидкий углеводород, назвав свой продукт «кероси-

ном» – от греческих слов керос (воск) и элайон (масло). Американец Джордж Бисселл послал Эдвина Дрейка на поиски нефти, и в 1859 г. тот обнаружил свое первое месторождение в Тайтес-вилле (штат Пенсильвания). К концу следующего года в Пенсильвании насчитывалось уже около двух тысяч нефтяных скважин.

Итак, нефть была найдена в Пенсильвании в 1859 г. Спустя пять лет, когда Эдвину Дрейку попалось более крупное месторождение, новая отрасль промышленности начала активно развиваться и американский керосин вышел на мировой рынок. Вскоре к его производству подключился Джон Д. Рокфеллер. В 1870 г. он совместно с Генри Флэглером основывает компанию «Стандард ойл», которая разрастается за счет скупленных им мелких предприятий. В 1881 г. создается уже трест «Стандард ойл траст», со временем вобравший в себя 38 компаний.

Безжалостные методы его владельцев подвергались такой критике, что администрация Теодора Рузвельта затеяла против треста грандиозный процесс. В мае 1911 г. Верховный суд США принял историческое решение: он обязал «Стандард ойл траст» в течение шести месяцев отказаться от всех дочерних предприятий.

Помимо жесточайшей конкуренции и полного контроля над рынком, нефтяная монополия Рокфеллера вызывала раздражение тем, что невероятно богатое семейство организовало собственную систему дотаций и фондов, кото-

рая фактически представляла собой вторую администрацию и оказывала огромное влияние на развитие науки и образования. Многие из тех, кому достались рокфеллеровские стипендии и другие гранты, впоследствии стали лауреатами Нобелевской премии.

Нобели и нефть

В написанном по-русски письме от 31 октября 1875 г. Людвиг сообщает Альфреду:

«Роберт вернулся в Баку из поездки на восточное побережье, обнаружив замечательные залежи нефти [нефти. – Б. О.] на острове Челекен всего в 10 сажнях от поверхности земли. Теперь у него есть запасы сырья. Посмотрим, как он наладит добычу и сбыт. От этого будут зависеть его дальнейшие успехи и счастье. Я со своей стороны сделал все от меня зависящее, снабдив его деньгами и техническими советами. Роберт утверждает, что придумал кое-какие усовершенствования для перегонки и очистки нефти. Не берусь оценить их, поскольку я не знаток в данной области. Самое главное теперь и на будущее – разумно наладить производство. Меня не отпускает мысль о том, что нам, то есть тебе и мне, надо бы вдвоем съездить туда и посмотреть, не можем ли мы ему чем-нибудь содействовать. И тебе, и мне удалось добиться независимости, надо помочь и Роберту наладить свое дело. Так что подумай насчет поездки в Баку».

Роберт приобретает лицензию на разработку острова Челекен восточного побережья Каспийского моря, однако пока что забывает о нем, сосредоточившись на Баку и его окрестностях. В Черном городе действуют 120 небольших перегонных заводов. Если раньше там применялись устаревшие методы добычи и переработки нефти, то теперь начинается техническое обновление. Роберт поручает шведу Мартину Вестваллю, который держит в Баку механические мастерские, изготовить оборудование для нефтеперегонного завода, а затем назначает его мастером. На должности химика и заведующего производством он определяет двух молодых гражданских инженеров: Эрланда Тееля и Августа Авелина.

Осенью 1875 г. начинается выпуск продукции. Роберт отменный химик, и его нефтепродукты вскоре становятся куда лучше как вырабатываемых местными конкурентами, так и американского керосина, которого Россия ежегодно ввозит около 40 тыс. тонн. Сбыт постоянно растет, и Роберт создает новое предприятие, которое нарекает собственным именем. На этом заводе восемь вертикальных перегонных кубов объемом по 100 пудов каждый. Для поиска новых источников нефти у Роберта есть немецкий геолог доктор Фил, на смену которому придут многие другие.

Петербургские газеты пишут о нефтяной лихорадке в Баку, о гигантских фонтанах, которые по целым дням, месяцам, годам извергают нефть! Чтобы стимулировать национального производителя, российские власти поднимают по-

шлины на осветительный керосин из США.

При всей своей скептической братья из Петербурга и Парижа продолжают помогать Роберту деньгами и советами, а когда Людвиг читает в газете о нефтяном фонтане, повергшем в изумление всех жителей Баку, любопытство его берет верх и он вместе с семнадцатилетним сыном Эмануэлем отправляется на Кавказ. Там он мгновенно подключается к работе – и предприятие начинает необыкновенно быстро развиваться во всех отношениях: техническом, химическом и финансовом. В нефть вкладываются доходы от производства винтовок, пушек и динамита, поскольку в бакинское предприятие Роберта теперь уверовали и Людвиг, и Альфред, и Стандертшёлд.

В сентябре 1876 г. Людвиг, снова направляясь в Баку, пишет Альфреду длинное письмо с «реки Волги». Он советуется с братом относительно своих «грандиозных планов создать систему крупномасштабных перевозок бакинской нефти», для чего нужно сделать предварительные расчеты. Расчеты превосходят его самые лучшие ожидания: «Прибыль будет неслыханная».

В Баку они с Робертом «усердно трудятся над завершением собственно керосинового завода». Они вложили в него 300 тыс. рублей, но этого недостаточно. Нужны трубопроводы и большие железные резервуары, поэтому братья «привлекли к делу Стандертшёлда», который внес еще 150 тысяч. Таким образом, только в производство было вложено

450 тыс. основного капитала. Два миллиона рублей требуется, чтобы наладить транспортировку. «Если объединить предприятия, можно уверенно рассчитывать на 50 % годовых, причем на много лет вперед. Не думай, что я преувеличиваю или опираюсь в своих расчетах на исключительно благоприятную конъюнктуру! [...] Я рад, что могу рассказать тебе это, хотя радоваться следует прежде всего за Роберта, который натерпелся неприятностей и преодолел массу трудностей в этом малоприятном месте под названием Баку».

Людвиг считает, что денег он достать сумеет, но ему не хочется превращать предприятие в акционерное, поскольку в этом случае нужно ежегодно публиковать официальный отчет. Он просит Альфреда помочь «сведениями о производстве и эксплуатации труб и нефтяных цистерн в Америке, то есть в пенсильванском нефтяном регионе, – сведениями, которых нет в твоём справочнике по нефти. Я не знаю в Америке ни одной живой души. [...] Полагаю, что ты через своих знакомых мог бы добыть необходимую информацию, разумеется, „за вознаграждение“». Людвиг прилагает перечень наиболее важных вопросов: это «такие вещи, которые может объяснить каждый грамотный инженер. В данном случае речь идет о перевозке и хранении не воды, а масел, чем американцы давно успешно занимаются», а потому Людвиг хотел бы «заполучить эти сведения» сначала, прежде чем «развернет свое предприятие во всем его масштабе». Вопросы касаются конструкции и материалов для сооружения храни-

лиц, железнодорожных цистерн, насосов и трубопроводов. В ноябре 1876 г. Людвиг пишет Альфреду:

«Бакинский завод построен и пущен в ход; производительность его велика и оценивается в полмиллиона пудов в год. [...] Увеличив размер перегонных установок, что при готовых зданиях обойдется недорого, мы бы с легкостью выработывали ежегодно по два миллиона пудов – если бы были обеспечены средствами перевозки и хранилищами. Но пока что загвоздка как раз в них. Что касается качества, тут Роберт достиг поистине замечательных результатов, поскольку, в отличие от привычных для Баку 30 % нефтепродуктов, к тому же тяжелых и плохого качества, он из того же сырья получает 40 % отличного легкого керосина, который по всем статьям не хуже самого превосходного американского. Таким образом, мы можем вступить на рынок с товаром, который обеспечит компании блестящую репутацию».

Сам Роберт, однако, пребывал в дурном настроении: «с ним крайне сложно прийти к согласию».

В начале 1877 г. Людвиг и Роберт изложили свой план Альфреду, подробно описав, как собираются организовать всю «систему» своего предприятия: очистку нефти, ее перевоз по морю и по железной дороге, хранение и сбыт.

«Разузнать как можно больше – только без упоминания нашего имени»

В 1876 г. молодой инженер Альфред Тёрнквист ездил в США помогать в создании шведского раздела на Всемирной выставке в Филадельфии. Затем он некоторое время работал на машиностроительном заводе в Йонкерсе (штат Нью-Йорк). По пути оттуда в Швецию он задержался в Париже, где уже на тамошней выставке познакомился с Робертом Нобелем, а затем был представлен Альфреду (Роберт как раз гостил у того). Способный инженер приглянулся братьям, и они незамедлительно взяли его к себе на службу. Тёрнквисту предстояло досконально изучить перегонку нефти! Благодаря связям Альфреда он поступил служить на марсельский нефтеочистительный завод, причем ему было поручено «разузнать как можно больше». Братья намеревались создать в Баку доселе неслыханное нефтеперерабатывающее предприятие с непрерывным циклом. К сожалению, в Марселе позаимствовать оказалось нечего. Новые технологии были сосредоточены в США, в Ойл-Сити.

И Тёрнквист снова отправился за океан. Он вез с собой пробы бакинской нефти. Как выяснилось, она обладала другими свойствами, чем нефть Ойл-Сити, куда Тёрнквист отдал образцы на химический анализ. В феврале 1879 г. Роберт пишет ему: «Прежде чем удастся разузнать все подроб-

ности про выработку осветительных и смазочных масел, не советую предпринимать каких-либо иных штудий, поскольку они могли бы вызвать подозрения и затруднить Ваши занятия. Когда же это будет сделано, Вам, милостивый государь, следует углубиться в перекачивание нефти по трубам и сопутствующие предметы. Наконец, было бы желательно, чтобы Вы, без упоминания нашего имени, выяснили в крупнейших и наилучших фирмах последние цены на буровой инструмент, всевозможные трубы, паровые котлы и прочее оборудование».

Людвиг остался доволен анализами, поскольку от состава нефти зависит, какой ее следует подвергать очистке, какие при этом добавлять химические вещества и т. п. Тёрнквист регулярно докладывал обо всем, что удавалось разузнать, и закончил свои «штудии» посещением Патентного управления и Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, а также ряда нефтепромышленников и сбытчиков на восточном побережье. Домой он вез массу самой разной литературы о нефти.

В Париже он снова встретился с Альфредом и со специалистом по химическим технологиям Алариком Лидбеком. По-видимому, совместными усилиями они в принципе разрешили проблему непрерывной перегонки. В сентябре 1879 г. Тёрнквиста срочно отправляют в Баку, где ему предстоит изготовить экспериментальную модель нового производства, а затем возглавить перестройку завода.

Так распорядилась судьба...

Карл Вильгельм Хагелин родился в России, но родители его были шведами. Отец работал у Иммануэля Нобеля, а после его разорения водил суда по Волге, от Царицына до Астрахани и обратно. Начало рабочей жизни было отнюдь не легким для юного Вильгельма Хагелина, о чем в его мемуарах «Мои трудовой путь» сказано: «Я провел десять беспробудных месяцев в болезнях и тяжких трудах, отчасти во враждебно настроенной среде. Сам не знаю, как меня осенило попросить у дяди Хаммарстрёма бесплатный пароходный билет до Баку. На пароходе я познакомился с милейшим Туре Сандгреном, который безо всякой моей просьбы препроводил меня к своему зятю Бенгтссону, где я тотчас получил должность».

Однажды товарищи Вильгельма по новой работе решили навестить Калле Кварнетрёма на керосиновом заводе Роберта Нобеля. Там юноша познакомился с мастером Вестваллем, и в апреле 1879 г. будущая опора «Товарищества бр. Нобель» Карл Вильгельм Хагелин был взят на завод. Свою карьеру он начал со слесаря механической мастерской. «На ножном токарном станке работал опустившийся коллега моего отца, дядюшка Хаглунд; мне достались тиски. Дядюшка Хаглунд вытачивал вентили для новых перегонных аппаратов, а я обрабатывал их до полной готовности. Мастерская

была крохотная, но светлая, для тепла же у нас всегда стояла нараспашку высокая дверь».

В первый рабочий день молодой человек встречается с Робертом Нобелем: «Он вкатил на автомобиле в ворота и остановился подле нашей мастерской. Заглянул внутрь, увидел незнакомого парнишку и вызвал его расспросить, кто он такой. Когда же на вопрос о моем возрасте я ответил, что мне восемнадцать с половиной лет, он похлопал меня по плечу со словами: „Тогда у тебя, черт возьми, не жизнь, а одна потеха!“»

В самый первый день Вильгельм наблюдал и пожар. «Загорелся холодильник для нефтяных остатков, – вероятно, в него поступило сразу много мазута и он просто не справился. К счастью, холодильник стоял в яме, которую быстро накрыли мокрыми кошмами, так что доступ воздуха туда прекратился и огонь затух».

Несмотря на несчастные случаи, отмечает Вильгельм, с технической стороны дела на этом этапе было в основном хорошо, «тогда как коммерчески мы по-прежнему прогорали: ожидаемый крупный потребитель – крестьянин – не появлялся. Он считал бесплатную лучину выгодней покупного керосина. Мало того что возрастали повседневные расходы, надо было решиться на столь крупное капиталовложение, как лампа. Людвиг нашел выход: он снабдил перекупщиков керосиновыми лампами, которые были сделаны по его заказу и сначала раздавались бесплатно, а потом стали продавать».

ся по заниженной пене. Со временем крестьянин приобрел вкус к удобному и дешевому свету, потребление выросло, и наши дела пошли все успешней».

Как владеющего русским языком, Вильгельма уже осенью взял к себе в помощники Тёрнквист – для писарской и бухгалтерской работы. Тёрнквист привез из Петербурга чертежи, и они вдвоем стали составлять списки материалов, необходимых для переоборудования керосинового завода: нужно было учесть и отразить на бумаге каждую гайку. Списки посылались в Петербург, где на механическом заводе Людвиг Нобеля изготавливали все детали.

Чем только не занимался Вильгельм: прокладывал трубопроводы, сторожил цех очистки, составлял ведомости на выдачу жалованья, а еще работал в ночную смену и присутствовал при трех больших пожарах, случившихся в «Товариществе бр. Нобель» в 1880–1881 гг. Самый страшный происходит, когда Вильгельму доверено открывать задвижку идущего к пристани трубопровода. Там стоит под погрузкой наливной пароход «Норденшёльд». Порыв ветра дергает его, струя фотогена попадает на горящую керосиновую лампу, и судно взрывается. Все, кто находился в машинном отделении, погибли.

Нефтяная компания расширяется и приглашает на работу шведских и финских инженеров: Густава Тёриудда и Рюдена, Ламберта и Хеллерстрёма, Альфтана и Сурандера. Вильгельм понял, что без технического образования ему будет

трудно продвигаться по службе. Шведский инженер Бьёркегрен вызывается давать ему уроки математики, физики и химии – вечером, после 12-часового рабочего дня. Вильгельм бросает курить и начинает копить деньги, на его стокгольмском счету в «Скандинависка банкен» появляется 2300 крон. В мае 1883 г. он получил свое последнее жалованье и свидетельство о том, сколько прослужил в компании и на каких должностях, однако никто не поблагодарил его, не поддержал дружеским словом желание учиться. В Петербурге он разыскал директора Яльмара Круселля, с которым познакомился в Баку. Если Вильгельму будет нужна помощь, пускай пишет прямо ему, сказал Яльмар. («Это было единственное участие, которое я заслужил своей работой в Баку».) Вильгельм едет на пароходе «Обу» в Стокгольм, и у него в памяти навсегда остается изумительная красота шхер, бесчисленные яхты вокруг и выстроившиеся вдоль фарватера, расцвеченные флагами виллы. Два года он проучился в стокгольмском Высшем техническом училище.

За время долгой службы у Нобелей Карл Вильгельм Хагелин поднялся на самый верх служебной лестницы. Он любил Волгу и, потрясенный революциями, делал все возможное для спасения компании до грустного конца, когда ее российская часть была национализирована. Он продолжал работать в Стокгольме по реструктуризации того, что осталось от «Товарищества бр. Нобель», и лишь в 75 лет – против своей воли – ушел на пенсию. Вильгельм оказался единственным

из служащих компании, который под собственным именем выведен в русской литературе – в романе Алексея Толстого «Черное золото», опубликованном в Москве в 1931 г.

В 1880 г. Альфреда Тёрнквиста назначили заведовать механическими мастерскими Нобелей, где он продолжил свои эксперименты. В декабре Людвиг прислал в Баку распоряжение о том, что работы следует развернуть на полную мощность: «Время не терпит!» Однако следующей весной у Тёрнквиста обострился ранее скрытый туберкулез. Поскольку компания уже потеряла от этой болезни Карла Ульнера, братья посчитали нужным проявить в отношении Тёрнквиста крайнюю осторожность. Он поехал на курорт в Давос и постепенно оправился.

С опозданием на полгода – летом 1882 г. – обновленное предприятие было запущено. Год спустя оно произвело 106 тыс. тонн первосортного керосина, что было больше, чем вырабатывали все бакинские конкуренты, вместе взятые. «Товарищество бр. Нобель» значительно опередило как местных промышленников, так и заокеанских.

Весной 1884 г. Альфред Тёрнквист снова работает для товарищества, теперь уже в Петербурге, организуя поставки осветительного керосина в Германию. Он не раз ездил в Баку, где к этому времени начальствовал Густав Тёрнудд. Однажды Тёрнквист опрометчиво предложил усовершенствовать тот процесс, в разработке которого сам изначально принимал участие, причем послал докладную записку Людвигу,

в обход Густава Тёрнудда. Тот безумно обиделся. Роберт пытался наладить их отношения, но Тёрнквист уволился и покинул Россию.

Транспортировка и хранение нефти

На Всемирную выставку в Филадельфии 1876 г. русское правительство послало и Дмитрия Менделеева. Заодно он изучил нефтяные месторождения и трубопроводы в Пенсильвании, взял образцы для анализов и описал в своем отчете, как в Америке очищают нефть с помощью серной кислоты. Весьма вероятно, что Менделеев встречался с Людвигом Нобелем в Санкт-Петербурге в Императорском русском техническом обществе и они обсуждали «будущее нефтяной промышленности». По возвращении из Баку Людвиг опубликовал в журнале Технического общества статью под названием «Взгляд на бакинскую нефтяную промышленность и ее будущее». Менделеев, по-видимому, посещал Людвига в Баку в 1878, 1880 и 1886 гг.

Добыча и перегонка нефти у Роберта тоже шли хорошо, хотя возникали разные проблемы и братья обсуждали в письмах их технические решения. Старые методы выкачивания нефти и ее транспортировки в бочках на перегонные заводы в порту безумно устарели, отнимали огромное количество времени и были просто-напросто слишком дороги. Перевозка одного пуда нефти на арбе стоила 35 копеек, тогда как

с помощью трубопровода она обходилась меньше чем в три копейки. Из менделеевского отчета 1876 г. братья Нобели знали, что в Пенсильвании Джон Д. Рокфеллер уже с 60-х гг. использует трубопроводы. Людвиг хотел провести такие же и в Баку, но городские власти воспротивились, опасаясь реакции населения, ведь в таком случае многочисленные бедняки – бочары и погонщики ослов – лишались работы, а это было чревато революцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.